

KRAKOW
MEETINGS

KRAKOW JUNE 2-4, 2025
MEETINGS **THE PONTIFICAL**
KRAKOW **UNIVERSITY**
CONFERENCES **OF JOHN PAUL II**
OF RUSSIAN **IN KRAKOW**
PHILOSOPHY
2025

LEV SHESTOV: **RELIGIOUS EXISTENTIALISM** **IN RUSSIAN AND EUROPEAN THOUGHT**

MONDAY, June 2, 2025

- 9.30** **Fr. Miłosz Hołda**, Dean of the Philosophical Faculty, The Pontifical University of John Paul II in Krakow
Sr. Teresa Obolevitch, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Head of the Organizing Committee
Opening of the Conference (Conference Hall)

Section 1 (Conference Hall, chair: Sławomir Mazurek)

- 9.40** **Anne Laurent**, Paris, France
Татьяна Балаховская, Memorial museum of academician Peter Kapitza, Moscow
Из жизни Льва Шестова: по материалам семейного архива
- 10.20** **Hanuš Nykl**, Prague, Czech Republic
Оплошность или игра с читателем? О значении неточностей в биографических данных в текстах Льва Шестова
- 10.50-11.20** Discussion
- 11.20** The Official Photo Shoot
- 11.30-12.00** Coffee break

Section 2a (Conference Hall, chair: Fr. Lukasz Leonkiewicz)

- 12.00** **Andrea Oppo**, Pontifical Theological University of Sardinia, Italy (online)
Lev Shestov between Phenomenology and Existentialism: The Encounter with Husserl and Heidegger
- 12.30** **Tomasz Herbich**, University of Warsaw, Poland
What according to Lev Shestov philosophers (usually) don't see?
- 13.00** **Fr. Piotr Karpiński**, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland
"Love builds up" (1 Cor 8:1). Thinking about love in Kierkegaard, Shestov and Marion
- 13.30-14.00** Discussion

Section 2b (Room 211, chair: Daniele Seretti)

- 12.00** **Gennadii Aliaiev**, Poltava, Ukraine
Берлинские доклады Шестова и о Шестове
- 12.30** **Pylyp Bilyi**, University of Silesia in Katowice, Poland
«Кто только не ссылался на интуицию...» или о том, как Шестов и Лосский не повлияли друг на друга
- 13.00** **Fr. Aleksander Posacki SJ**, Collegium Verum, Warsaw, Poland
Трагический опыт как инициация: Лев Шестов
- 13.30-14.00** Discussion
- 14.00-15.00** Lunch

Section 3 (Conference Hall, chair: Fr. Piotr Karpiński)

- 15.00** **Ramona Fotiade**, University of Glasgow, UK (online)
Spiritual Transmission in Lev Shestov's Philosophy of Tragedy
- 15.30** **Lina Vidauskytė**, Military Academy of Lithuania, Vilnius (online)
Tragedy and Rationality: Lev Shestov and Gabriel Marcel Interpret Ibsen
- 16.00-16.30** Discussion
- 16.30-16.50** Coffee break

Section 4 (Conference Hall, chair: Vladimir Paperni)

- 16.50** **Lilianna Kiejzik**, University of Zielona Góra, Poland
О запоздалой дружбе о. Сергия Булгакова и Льва Шестова
- 17.20** **Alexei Makushinsky**, Johannes Gutenberg University Mainz, Germany (online)
Рахиль Беспалова — ученица Шестова, предшественница Камю
- 17.50-18.20** Discussion
- 18.20** Dinner

TUESDAY, June 3, 2025

Section 5 (Conference Hall, chair: Fr. Piotr Karpiński)

- 9.30 Aleksandra Berdnikova**, FINO Convention, University of Turin, Italy (online)
Lev Shestov on Richard Kroner: the possibilities of metaphysics, neo-Kantianism and the journal Logos
- 10.00 Bernard Marchadier**, Paris, France
A brief comment on Etienne Gilson's letter of March 3rd 1936 to Lev Shestov
- 10.30 Victor Chernyshov**, National University "Yuri Kondratyuk Poltava Polytechnic", Ukraine (online)
Lev Shestov's Critique of Medieval Thought

11.00-11.30 Discussion

11.30-12.00 Coffee break

Section 6 (Conference Hall, chair: Cyril Šolle)

- 12.00 Sławomir Mazurek**, Institute of Philosophy and Sociology, Polish Academy of Sciences, Poland
Lev Shestov and Two Masterpieces of Polish Literature
- 12.30 Marina G. Ogden**, University of Glasgow, UK (online)
Karl Jaspers and Lev Shestov on Philosophical Faith and Faith in Revelation
- 13.00-13.30 Discussion**

13.30-14.30 Lunch

Section 7a (Conference Hall, chair: Bernard Marchadier)

- 14.30 Daniele Seretti**, Urbino, Italy
Философия Льва Шестова исходя из Augusto Del Noce и Etienne Gilson
- 15.00 Ana Siljak**, Hamilton Center, University of Florida, USA (online)
Lev Shestov and the Absurd
- 15.30-16.00 Discussion**

Section 7b (Room 211, chair: Daniel Kisliakov)

- 14.30 Maciej Wołkow**, University of Warsaw, Poland
Tolstoy — Shestov
- 15.00 Cyril Šolle**, Charles University, Prague, Czech Republic
Between Closed and Open Thinking: Lev Shestov's Fragmentary Writing in the European Context

15.30-16.00 Discussion

16.00-16.30 Coffee break

Section 8a (Conference Hall, chair: Françoise Lesourd)

- 16.30 Anna Reznichenko**, Russian State University for the Humanities, Russia (online)
Что спрашивал Лев Шестов?
- 17.00 Elena Tverdislova**, Russian City Library in Jerusalem, Israel
Планетарное мышление как основа экзистенциальной философии Льва Шестова
- 17.30 Milan Stojanović**, Russian State University for the Humanities, Russia (online)
Бунт против разума: трагедия как путь к свободе в философии Льва Шестова
- 18.00-18.30 Discussion**

Section 8b (Room 211, chair: Andrew Schumann)

- 16.30 Daniel Kisliakov**, University of Divinity, Australia
Lev Shestov and Fr Sergei Bulgakov – Two Contemporaneous Perspectives on Anton Chekhov
- 17.00 Fr. Lukasz Leonkiewicz**, Orthodox Theological Seminary in Warsaw, Poland
Synergistic Anthropology of S. Chorzhy and the Thought of L. Shestov
- 17.30 Krzysztof Pięta**, University of Warsaw, Poland

The knowledge argument against physicalism and the battle of Shestov against Athens: Why does the debate in contemporary philosophy of mind confirms Shestov's criticism of philosophy?

18.00-18.30 Discussion

18.30 Dinner

WEDNESDAY, JUNE 4, 2025

Section 9a (Conference Hall, chair: Lilianna Kiejzik)

9.30 Victor Okorokov, Oles Honchar Dnipro National University, Ukraine (online)

Системная несистемность Льва Шестова

10.00 Paulina Czoska, University of Warsaw, Poland

Две апофатичности. Сравнение идеи небытия в философии Льва Шестова и Николая Бердяева

10.30-11.00 Discussion

Section 9b (Room 211, chair: Elena Tverdislova)

9.30 Andrew Schumann, University of Information Technology and Management in Rzeszow, Poland

Религиозный экзистенциализм и Минская поэтическая школа

10.00 Nikolai Kostin, The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland

Лестница Иакова: религиозный экзистенциализм Я. Друскина в СССР

10.30-11.00 Discussion

11.00-11.30 Coffee break

Section 10 (Conference Hall, chair: Gennadii Aliaiev)

11.30 Vladimir Paperni, University of Haifa, Israel

Философия Льва Шестова и Библия

12.00 Françoise Lesourd, Université Jean Moulin, IRPhIL, France

«Гефсиманская ночь» в свете сборника «На весах Иова»: диалог между верой и западным разумом Нового Времени

12.30 -13.00 Discussion

13.00-13.30 Fr. Manfred Deselaers, Centre for Dialogue and Prayer in Oświęcim

Should We Talk About Forgiveness Between Nations Now?

13.30-13.40 Closing remarks of the conference (Conference Hall)

Sr. Teresa Obolovitch, The Pontifical University of John Paul II in Krakow

13.40-14.40 Lunch

Meeting link:

<https://upjp2.webex.com/upjp2/j.php?MTID=m711221cbe6785d2a6191ecae0f74879c>

Meeting number: 2731 527 3929

Password: yYpfm6Fkv64

Internet Access: UPJP2 Czytelnia, password Biblioteka7

Social Media: facebook.com/krakowmeetings, instagram.com/krakowmeetings

Anne Laurent, Paris, France

Татьяна Балаховская, Memorial museum of academician Peter Kapitza, Moscow

Из жизни Льва Шестова: по материалам семейного архива

В докладе будет представлена краткая биография Льва Шестова до эмиграции – основные события его жизни, повлиявшие на формирование его мировоззрения и становление как философа. Будет также рассмотрено влияние событий молодости Льва Шестова в эмиграции. В Париже его ожидали другие сложности, но и появились и близкие люди, как Фондан и Бубер. Доклад основывается на материалах из семейного архива.

Hanuš Nykl

Prague, Czech Republic

Оплошность или игра с читателем?

О значении неточностей в биографических данных в текстах Льва Шестова

Большинство произведений Льва Шестова основано на биографиях известных представителей мировой философской и религиозной мысли. Это русские писатели, европейские философы и религиозные деятели, античные философы и библейские персонажи. Несколько важных книг Шестова базируются на биографии одного или двух определенных авторов (Толстой, Достоевский, Ницше, Лютер, Кьеркегор). Биографический метод, таким образом, является неотъемлемой частью шестовской манеры письма. Тем не менее, при более внимательном чтении оказывается, что большое количество биографических данных не соответствует общеизвестным фактам. Эти несоответствия имеют разный характер. В докладе будет предпринята попытка типологизировать искажения биографических данных и ответить на вопрос, насколько эта черта шестовских текстов важна и конститутивна. Доклад поставит вопрос, является ли эта черта оплошностью или частью философского метода Шестова.

Andrea Oppo

Pontifical Theological University of Sardinia, Italy

Lev Shestov between Phenomenology and Existentialism: The Encounter with Husserl and Heidegger

This paper aims to explore Lev Shestov's relationship with Husserl and Heidegger, and his philosophical position in comparison with these two philosophers. While it is more obvious to know Shestov's thought on Husserl, given the vastness of documents on the subject, it is much more difficult to understand what he truly thought of Heidegger. Through Husserl, Shestov also had the opportunity to meet and establish a personal relationship with Heidegger. Precisely with regard to Heidegger, it is possible to understand the seemingly contradictory alliance between Shestov and Husserl. That which Husserl overall did not accept about Heidegger, i.e. the ontological primacy of the *Dasein*, was at least intuitively the same thing Shestov refused in Heidegger when he defined his *Sein und Zeit* "a quite a-philosophical contraband" (Baranoff-Chestov 1993 [B1], 20). Even more interestingly, Shestov was more attracted to the absence of Kierkegaard in Husserl than to his presence in Heidegger. In other words, it was the perfect self-sufficiency of Husserl's thought, a thought "without Kierkegaard," that attracted him more than any compromises that came from those philosophies (e.g. Heidegger's, Jaspers' or Scheler's) that opened up to a greater or lesser degree to a tragic view, but not in the radical way Shestov aimed at.

Tomasz Herbich

What according to Lev Shestov philosophers (usually) don't see?

Among the numerous critical characterisations of philosophical cognition that can be found in the works of Lev Shestov, one of the key ones for understanding his idea seems to be the one according to which philosophy – in those forms in which it is subjected to the aforementioned criticism – is based on some fundamental omission, on the failure to see life as it actually is. At the same time, this is one of the most enduring characteristics, relevant in equal measure to both Shestov's first and last texts. Philosophy, which, at least since the time of Plato's theory of ideas (and even earlier) promised to be able to supply its adepts with the true, essential vision of things, is, according to the author of *Athens and Jerusalem*, constantly missing on the way to this goal. Shestov's metaphilosophical reflections largely deal with this very situation, which is repeatedly considered in his discussions with philosophers of the past and their legacy. In my paper, on the one hand, I will analyze this belief of Shestov, trying to present it as one of the key factors constantly driving his own philosophical reflection. I will try to answer the question of what the author of *Athens and Jerusalem* believes philosophers (usually) do not see. On the other hand, I will try to show how, on the basis of this conviction, a different notion of philosophy is shaped in Shestov's oeuvre (or how other possibilities open up for it), how philosophy becomes the one that "should tug, pinch, beat, tickle", the one that "should live with sarcasm, derision, anxiety, struggle, amazement, despair, great hopes, and it should allow itself to observe and be calm only from time to time, for rest," as the philosopher wrote in his book *Великие кануны*.

Fr. Piotr Karpiński

The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland

"Love builds up" (1 Cor 8:1). Thinking about love in Kierkegaard, Shestov and Marion

The issue of God and love is an important topic in Shestov's existential philosophy. In his work, he recalls Kierkegaard's words from *The Moment*: "God is love; no human being was ever born whom this thought does not overwhelm in indescribable blessedness, especially when it comes close to him in such a way that 'God is love' means 'you are loved'" (*Kierkegaard and the existential philosophy*). The contemporary French phenomenologist Jean-Luc Marion approaches the erotic phenomenon in a similar way, opening his famous erotic reduction with the question: "Does anyone out there love me?" Marion, together with Kierkegaard, remain in strict opposition to Hegel, according to whom God cannot be described using the concept of love, because this idea "lowers itself into edification" (*The Phenomenology of Spirit*). Meanwhile, Marion and Kierkegaard, and certainly Shestov as well, follow the words of St. Paul: "knowledge puffs up while love builds up" (1 Cor 8:1). How to understand this edifying nature of love and its paradoxical relationship with human existence? The subject of the paper is a comparative analysis of the concept of love by S. Kierkegaard (*Works of Love*) and J.-L. Marion (*The Erotic Phenomenon*). We will see Kierkegaard's reading of St. Paul and Marion's reading of Kierkegaard. Both thinkers praise paradox, both try to go beyond ontology (or being) when talking about love, both maintain the unambiguity of love (the love of God and of others is one and the same). Finally, both of them show that love is ruled by a separate language and logic in which serious "work of negativity" takes place. The presentation of the teachings on love by Kierkegaard and Marion, although interesting in itself, is particularly important for religious existential thought.

Poltava, Ukraine

Берлинские доклады Шестова и о Шестове

Лев Шестов неоднократно посещал Берлин в 1921–1930 годах. В основном это были поездки по семейным делам (здесь находилась могила его отца, умершего в 1914 г., с 1924 г. жила его мать, а также жили Ловцкие — его сестра с мужем), визиты к друзьям (М. Эйтингону), а также были издательские дела. Но кроме этого Шестов иногда выступал в Берлине с публичными докладами — всего их было за это период около 10. Упоминания об этих выступлениях можно найти в биографии философа, написанной его дочерью Натальей Барановой-Шестовой, однако приводимые ею сведения довольно скупы и не всегда точны в отношении дат выступлений. В настоящем докладе собрана информация о том, кем и когда организовывались доклады Шестова в Берлине, проанализировано их содержание в связи с публикациями философа, а также обращено внимание на берлинские выступления и публикации о Шестове Германа Ловцкого.

Pylyp Bilyi

University of Silesia in Katowice, Poland

«Кто только не ссылался на интуицию...» или о том, как Шестов и Лосский не повлияли друг на друга

Лосский посвятил Шестову всего одну страницу — три абзаца о «иррационализме Шестова». Как отмечает Галич, в одном из писем Лосский писал: «моя история — не то же самое, что история русской мысли». У Шестова есть круг авторов, к которым он постоянно возвращается, но при этом у него отсутствует классическая теория познания. У Лосского же, напротив, есть стройная теория познания, но нет экзистенциализма. Это были настолько разные мыслители, насколько их идеи расходились в противоположных направлениях, хотя оба принадлежали к одной интеллектуальной формации. Традиция Лосского — это реализм в платоновском духе с неокантианскими предпосылками и акцентом на объективное познание. Традиция Шестова, напротив, сознательно противопоставляет себя всякому рационализму, избегая системности и строгости онтологии. Два мыслителя, которые, казалось бы, не повлияли друг на друга. Но так ли это? На этот вопрос можно ответить как исторически, так и философски.

Fr. Aleksander Posacki SJ

Collegium Verum, Warsaw, Poland

Трагический опыт как инициация: Лев Шестов

Для Шестова трагический опыт является не только началом религиозного опыта, но и даже его необходимое условие, похоже на Посвящение. Шестов ищет пример этой специфической связи: «Опыт трагическое-как-посвящение (религиозное)» на примерах различных мыслителей, творчество которых он изучал не только, но и биографии, начиная с исходя из предположения, что они являются неразрывно связанными реальностями. Шестов ищет подтверждения этой истины, изучая жизнь и творчество не только трагических мыслителей, таких как Шекспир, Ибсен, Ницше и Достоевский, но и прежде всего религиозные мыслители, такие как Паскаль и Лютер и Кьеркегор. В последних двух это сочетание трагедии и религиозности, казалось, полностью вышло на первый план, тогда как в остальных оно было только частичный и эмбриональный.

Ramona Fotiade

Spiritual Transmission in Lev Shestov's Philosophy of Tragedy

How is the transmission of faith possible? The study of the formation of beliefs and of non-systematic modes of transmission is a uniquely interdisciplinary topic at the crossroads between critical theory, philosophy of religion and education, with far-reaching implications for generational knowledge transfer in different cultural contexts. Taking its cue from Nietzsche's reflections on "Schopenhauer as Educator" from the *Untimely Meditations*, this paper proposes to examine the transmission of unsystematic philosophy and inexpressible spiritual experience in Western European philosophies of existence, by focusing on Shestov's Christian existential thought and his account of the process of "transformation of convictions."

The existential turn in philosophy marked the advent of the "philosopher-artist" (Nietzsche 1979; Vuarnet 2004), and the rise of a heterogeneous discourse at the crossroads between philosophy and literature, and between Biblical exegesis and fictional explorations of the spiritual crisis and loss of faith in Europe. In applying critical theory to recurrent tropes in Shestov's existential philosophy and his recourse to literary hermeneutics to communicate the content of inexpressible personal experience, the central line of argument highlights the continued relevance of an alternative educational model for our understanding of inheritance and generational knowledge transfer.

Lina Vidauskytė

Military Academy of Lithuania, Vilnius, Lithuania

Tragedy and Rationality: Lev Shestov and Gabriel Marcel Interpret Ibsen

Lev Shestov is known for his critical attitude to Greek philosophy. The opposition between Athens and Jerusalem was undoubtedly significant for him. Or, in other words, the irreconcilable opposites of rationality and tragedy, rational philosophy and religion. Shestov repeated this opposition in his texts without rest, as if trying to express the protest of all those who cannot use the tools of philosophy. They cannot use it not because they cannot, but because those tools are not suitable for expressing human tragedy. In this sense, Shestov undoubtedly has "family" ties with existentialism. When it comes to existentialism in Europe, the name of S. Kierkegaard is often mentioned. The Danish philosopher is also important for L. Shestov (it is worth mentioning here Shestov's famous work *Kierkegaard and Dostoyevsky*). However, relatively little attention is paid to another author whose influence on existentialism, including religious existentialism, is no less important than Kierkegaard's. This is Henrik Ibsen (1828-1906) significant Norwegian dramatist. It seems that Shestov was also one of the first to turn to Ibsen (public lecture in Kyiv in 1910). No less Ibsen was important to Gabriel Marcel, who is often assigned to religious existentialism. Both thinkers read Ibsen's dramas differently. However, these different attitudes to reading Ibsen provide some ideas about Shestov's importance for European philosophy. In my paper, I intend to explain in more detail the different ways of reading Ibsen that L. Shestov and G. Marcel used. I will also examine Shestov and Marcel's approach to concreteness, tragedy, and their criticism of philosophy.

Lilianna Kiejzik

University of Zielona Góra, Poland

О запоздалой дружбе о. Сергея Булгакова и Льва Шестова

Доклад представляет собой сравнительный анализ взглядов и мировоззрения, жизненного пути и теоретико-познавательных позиций двух представителей периода так называемого Серебряного века русской философии: рационалиста о. Сергея Булгакова и иррационалиста Льва Шестова. На

этом фоне представлена дружба двух мыслителей и обсуждаются тексты, которые они писали друг о друге, в том числе рецензии на взгляды друг друга.

Alexei Makushinsky

Johannes Gutenberg University Mainz, Germany

Рахиль Беспалова — ученица Шестова, предшественница Камю

В жизни Льва Шестова было два человека, считавших себя (с оговорками или без оных) его учениками — Бенжамен Фондан и Рахиль Беспалова. Если Фондан хоть немного известен русскому читателю (по крайней мере, его *Встречи со Львом Шестовым* переведены на русский язык), то Рахиль Беспалова (1895–1949) остается неведомой и загадочной. Загадочное есть в ней самой, в ее трагической судьбе. Я буду говорить о ее биографии, ее основных сочинениях, ее отношениях с Шестовым и Фонданом, и о том влиянии, которое она, с большой долей вероятности, оказала на Альбера Камю (отзывавшегося о ней с восхищением).

Aleksandra Berdnikova

FINO Convention, University of Turin, Italy

Lev Shestov on Richard Kroner: the possibilities of metaphysics, neo-Kantianism and the journal Logos

A well-known point in Lev Shestov's work is his critique of systematics in philosophy and the assertion of "adogmatic thinking" instead. In my presentation, I will try to analyze Shestov's attitude towards the German neo-Hegelian philosopher Richard Kroner (1884-1974), in particular Kroner's works *Von Kant bis Hegel* (in 2 vols.; Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, Paul Siebeck, 1921-24) and *Die Selbstverwirklichung des Geistes* (Tübingen, Derselbe Verlag, 1928), which Shestov analyzed in reviews (Shestov 1931). Shestov's reviews of Kroner's books were published in the journal *Put'*, whose generally critical attitude towards Kantianism and all German classical idealism in general continued the neo-Slavophile intentions of the *Put'* publishing house (1910-1918). As Nelly Motroshilova noted, Kroner was included in the series of "philosophical portraits" written by Shestov – philosophical essays whose heroes were Russian and Western contemporaries of the thinker, such as Karl Jaspers, Martin Buber, Vasily Rozanov, Mikhail Gershenzon, and others (Motroshilova 2006, p. 388). One of Kroner's main ideas was that "not Kierkegaard, but his great master Hegel was the founder of existential philosophy" (Kroner 1952, p. 80). It is interesting that Shestov's reviews of Kroner's books were published in 1931, while the Russian philosopher was working on his book *Kierkegaard and Existential Philosophy: Vox Clamantis in Deserto* (1936). There is also the opinion that "it was mainly thanks to Kroner that Shestov and Berdyaev turned to Kierkegaard – and through him to Hegel" (Neto 1995, pp. 109-112). Shestov and Kroner corresponded with each other, as Kroner was the editor of the German edition of the neo-Kantian journal *Logos*. If one analyzes Shestov's attitude towards Kroner, one can uncover a whole series of interrelated themes, such as: 1. The problem of the existence of "metaphysics as science" from the rationalist perspective of Kroner and from the perspective of Shestov's "adogmatic thinking"; 2. Shestov's attitude towards neo-Kantianism and Western rationalism in general, emphasizing both its possible flaws and its advantages; 3. The reciprocal influence of the ideas of Husserl and Kroner on Shestov in connection with his appeal to Kierkegaard; 4. The context of the confrontation between Russian religious irrationalism and Western neo-idealism, one of the most striking examples of which was the discussion between the neo-Slavophiles of the publishing house *Put'* and the journal *Logos*. I will try to cover all these topics in my speech.

Bibliography:

1. Baranova-Shestova, Natalia. 1983. *Zhizn' L'va Shestova (Po perepiske i vospominaniyam sovremenikov)* [*Life of Lev Shestov (Based on correspondence and memoirs of contemporaries)*]. Paris: Edition de "La Presse Libre" (In Russian).

2. Beaumont, Matthew. 2022. *Lev Shestov: Philosopher of the Sleepless Night*. London: Bloomsbury Academic.

3. Kroner, Richard. 1952. *Kierkegaard or Hegel?* Revue Internationale de Philosophie. Vol. 6, No. 19 (1), pp. 79-96.
4. Lubardic, Bogdan. 2011. *Философија вере Лава Шестова Апофатичка деконструкција разума и услови могућности религијске философије* [*Lev Shestov: Philosophy of Faith (Apophatic Deconstruction of Reason and the Conditions of Possibility of Religious Philosophy)*]. Beograd: PBF ITI – Službeni Glasnik (In Serbian).
5. Motroshilova, Nelly. 2006. *Mysliteli Rossii i filosofija Zapada* (V. Solov'ev, N. Berdjaev, S. Frank, L. Shestov) [*Thinkers of Russia and the Philosophy of the West* (V. Solovyov, N. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov)]. Moscow: Republic; Cultural Revolution (In Russian).
6. Neto, José Raimundo Maia. 1991. *The Christianization of Pyrrhonism: Scepticism and Faith in Blaise Pascal, Søren Kierkegaard, and Lev Shestov*. Washington University.
7. Oppo, Andrea. 2020. *Lev Shestov: The Philosophy and Works of a Tragic Thinker*. Boston: Academic Studies Press.
8. Shestov, Lev. 1931. *Dve knigi Riharda Kronera* [*On Two Books by Richard Kroner*]. Put'. 1931. No. 27.

Bernard Marchadier

Paris, France

A brief comment on Etienne Gilson's letter of March 3rd 1936 to Lev Shestov

In a letter to Lev Shestov (March 11, 1936), Etienne Gilson writes, "What is there in common between Athens and Jerusalem? Answer: Rome. This is, of course, the gist of the debate." The opposition between "Athens" (reason) and "Jerusalem" (faith) is certainly the most basic tenet of Shestov's thought. In this paper, we will analyze what can be understood here by "Rome," apart from the obvious meaning of "Catholic Church," which is also what Gilson meant. And we will try to find out in what limits it contradicts Shestov's unflagging conviction.

Sławomir Mazurek

Institute of Philosophy and Sociology Polish Academy of Sciences, Poland

Lev Shestov and Two Masterpieces of Polish Literature

Among the well-known texts of Polish poetry and prose, we find at least two works which, when juxtaposed with the writings of Lev Shestov—even though they do not mention his name—help us understand his thought and grasp its essence. The first, and less important, is a brilliant essay by the 20th century classic Witold Gombrowicz, entitled *Against Poets* and the second—*Laments*, a famous 16th century poem by Jan Kochanowski. In my paper, I interpret *Against Poets* as a frontal attack on one of the pillars of intellectual culture as such, comparable to Shestov's attempt to annihilate philosophy. I read *Laments*, in turn, as a very coherent critique of philosophy, one rooted in a personal experience of despair, which makes the poem in many respects surprisingly similar to Shestov's reflections. It leads to a question, already considered by other scholars: could Shestov be included in an old and, in fact, classical tradition of debunking the illusions of philosophy or does he represent an absolutely new approach, a new quality in the history of philosophy? I incline to the view that the latter is true.

Marina G. Ogden

University of Glasgow, UK (online)

Karl Jaspers and Lev Shestov on Philosophical Faith and Faith in Revelation

In his discussion on philosophical faith and faith in revelation, Jaspers defined revelation as “a direct communication or act of God in space and time, definitely placed in history.” For him, the truth of revelation is established only by revelation itself. Acknowledging a correlation between philosophical faith and faith in revelation, Jaspers maintained that philosophy’s supreme knowledge is that it does not know. Jaspers aspired for unity between the two visions, as for him, philosophical faith and faith in revelation are undivided in a thinker’s mind. Comparably, for Shestov, the truth of revelation comes when one’s worldview is transformed by the redeeming truth that has been revealed. Arguing for the incommensurability of faith and reason (understood as rational knowledge), Shestov drew a decisive line between the two types of faith. Similar to Jaspers, however, the philosopher’s thought alluded to the possibility to “go even further,” employing apophatic patterns to disclose the ineffable.

Daniele Seretti

Urbiino, Italy

Философия Льва Шестова исходя из Augusto Del Noce и Etienne Gilson

Рассматриваются мотивы, которые привлекли внимание итальянского философа Del Noce к философии Шестова. Анализируется встреча и дружба Жильсона с Del Noce как прелюдия к защите итальянским философом концепции Жильсона “христианской философии”, обвиненной его недоброжелателями в “фидеизме”. В связи с этими обвинениями рассматриваются критические замечания Шестова в адрес самого Жильсона, а затем причины, которые, по мнению Del Noce, определяют непонимание в чтении Жильсона, лежащие в основе шестовской философии: трактовка первородного греха и, прежде всего, влияние на него Ницше, Паскаля, Кьеркегора, а также Макса Штирнера. Выводы и суждения о философии Шестова делаются в связи как с его суждениями о Жильсоне, так и с суждениями Del Noce о русском философе.

Ana Siljak

Hamilton Center, University of Florida, USA

Lev Shestov and the Absurd

For Shestov, at the heart of modern philosophy there is an essential “unfreedom,” a desire to imprison humanity and the divine in the heavy chains of rational and material causality, making human beings the slaves of “indifferent and impersonal truths.” Controversially, Shestov argued that liberation could only come from the “absurd.” Only an Absurd God, wholly free from the tyranny of causality, creates a space for vertiginous human freedom, a space into which faith can leap. My paper will explore the impact of the concept of the “absurd” in Shestov’s Jewish existentialist faith and point to its legacy in the modern existentialist philosophy of Albert Camus and Jean Paul Sartre.

Maciej Wołkow

University of Warsaw, Poland

Tolstoy — Shestov

In the main point of my speech, I will present Shestov’s opinions about Tolstoy. I would like to pay attention to the diversities and changes in Shestov’s views on the author of Resurrection. I will also present Tolstoy’s opinion about Shestov. I will show crucial differences between these two thinkers, especially those that are related to their attitude to rationality, ethics, and Nietzsche. I would like to

discuss the differences between the thoughts of these two authors from the perspective of the division between analytical and non-analytical philosophy. At the end, I will present some thoughts about Tolstoy and Russian decadent thinkers (i.e. Shestov) from Marian Zdziechowski's text, Russian influences on the Polish soul, which are, in my opinion, really important in our times.

Cyril Šolle

Charles University, Prague, Czech Republic

Between Closed and Open Thinking: Lev Shestov's Fragmentary Writing in the European Context

The paper focuses on two early works by Lev Shestov, *The Good in the Teaching of Tolstoy and Nietzsche* (Добро в учении гр. Толстого и Фридриха Ницше, 1900) and *Apotheosis of Groundlessness* (Апофеоз беспочвенности, 1905), within the broader tradition of fragmentary writing in modern European literature and philosophy. Drawing on François Susini-Anastopoulos's theoretical monograph *L'écriture fragmentaire: définitions et enjeux*, the paper focuses on fragmentary writing as a specific method that allows one to avoid traditional systematic thinking and definitive truths, emphasizing its epistemological function (particularly the chapter "Fragment et Système," pp. 129–173). Using *The Good in the Teaching of Tolstoy and Nietzsche* as an example, Tolstoy's preaching discourse is presented as an instance of closed and absolute thinking. The analysis focuses on the question of what performative and discursive consequences such thinking has for the author himself and for society, according to Shestov. The paper then turns to the fragmentary work *Apotheosis of Groundlessness*, which is interpreted as an example of open thinking. Based on an analysis of the introduction and selected fragments, it demonstrates how Shestov understood the fragmentary method as a pathway to thinking and philosophical inquiry. In conclusion, the paper highlights similarities and differences between Shestov's approach and selected models of European fragmentary writing, such as those of Friedrich Schelling, Paul Valéry and Maurice Blanchot.

Anna Reznichenko

Russian State University for the Humanities, Russia

Что страшит Льва Шестова?

Доклад будет посвящен терминологии Льва Шестова. Предметом непосредственного анализа станет термин «страх/страшное/ужас/ужасное» в ранних работах Льва Шестова, посвященных Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому: *Добро в учении графа Толстого и Ницше (философия и проповедь)* (1900); *Достоевский и Ницше (философия трагедии)* (1903), и в работах зрелого периода: *На весах Иова (странствование по душам)* (1929) и *Киркегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне)* (1936, 1939), а также в доступной эпистолярной и мемуарной литературе.

Elena Tverdislova

Russian City Library in Jerusalem, Israel

Планетарное мышление как основа экзистенциальной философии Льва Шестова

Лев Шестов – редкий случай писателя, который не спорит, не вызывает на дуэль, пытается понять, оставаясь при своем мировоззрении. Но именно эти его попытки «понять», а не осуждать, выражают в нем его важнейшее стремление — быть объективным и справедливым. Это трудно, это почти невозможно, но это помогает делать открытия, приходить к выводам, более того, расчищать путь к вере. Для Шестова — самое главное: понимать веру как всеобъемлющий феномен, но вместе с тем, это — и право на личностное существование. Отстаивая свою экзистенциальную позицию,

Шестов прежде всего отстаивал право каждой личности, любого факта, суждения — всякого явления жизни, подразумевая здесь и писателя, философа, художника и т.п. — быть, как и любой планете и в любом масштабе существовать.

Планетарность мышления сформировалась у Шестова под влиянием его веры в Бога как единственного носителя истины, о чем он повествует подробно и основательно в труде *Афины и Иерусалим* (1938). С одной стороны, вера откровенно заявляет о том, что есть истина, а с другой — прокладывает дорогу к подлинной истине, которой и есть вера как нечто исходное и всеобъемлющее.

Философ не создает убеждающую теорию, он сопоставляет веру с рассуждениями и воззрениями Платона, Сократа, Аристотеля, Парменида и др., чтобы доказательно продемонстрировать единственную истину — беспредельную и доходчивую, для специалистов всех наук и областей: как ученых и философов, так писателей, художников, да и обычного человека.

Обращая внимание на основные этапы развития человеческой сущности в ракурсе экзистенциального существования, Шестов смотрел на эти «временные пространства» с позиции понимания свободы выбора любым лицом в условиях прав на индивидуальную ценность.

Позиция Шестова подразумевает под этим правом личностное измерение бытия. Это особенно ярко проявляет себя в его анализе даже не творчества, а литературной деятельности Достоевского — наиболее сложной фигуры в масштабах человеческого существования еще и потому, что уже в ранней молодости «он инстинктивно чувствовал потребность принести всего себя в жертву своему дарованию» (1, 31) и поясняет: талант (*privilegium odiosum*) «редко дает своему обладателю земные радости» (там же). При этом — опять же на примере судьбы и карьеры Достоевского, Шестов считал: быть самим собой — это значит не только отстаивание своего бытия, но и в других видеть точно такой же знак, воспринимая данное право исключительно силою веры. В этом вопросе его единственным предшественником был, пожалуй, Владимир Соловьёв, о котором он писал легко и свободно, называя его «первым русским религиозным философом» и давая ему точную характеристику (1, 390).

Milan Stojanović

Russian State University for the Humanities, Russia

Бунт против разума: трагедия как путь к свободе в философии Льва Шестова

Философия Льва Шестова, одного из ключевых представителей экзистенциальной мысли, строится на радикальном отрицании диктата разума как инструмента, подавляющего человеческую свободу. В докладе исследуется центральный для Шестова тезис о том, что подлинная свобода достигается не через подчинение рациональным системам (наподобие гегелевской диалектики или Спинозовского детерминизма), а через экзистенциальный бунт, спровоцированный трагедией. Шестов видит в страдании, абсурде и экзистенциальном отчаянии — спутниках трагического опыта — катализаторы, разрушающие иллюзорные построения разума и открывающие путь к трансценденции.

Анализируя шестовскую критику «афинской» традиции (рационализма, науки, общеобязательных истин), статья раскрывает, как философ противопоставляет ей «иерусалимский» подход, основанный на вере, парадоксе и личном откровении. Трагедия, по Шестову, становится экзистенциальным прорывом: сталкиваясь с неразрешимыми противоречиями бытия, человек отвергает рациональные догмы и обретает свободу в акте абсолютного доверия к Богу, который «всё возможное делает невозможным». Этот бунт против разума интерпретируется не как нигилизм, а как движение к подлинному бытию, где свобода коренится в отказе от примирения с необходимостью.

Доклад также рассматривает влияние Достоевского и Ницше на шестовскую мысль, подчеркивая уникальность его синтеза экзистенциального пессимизма и религиозного иррационализма. В заключении делается вывод, что для Шестова трагедия — не тупик, а путь к освобождению от тирании универсальных истин, где человек, преодолевая страх и отчаяние, обретает право на «непонятную для мира» свободу.

Daniel Kisliakov

University of Divinity, Australia

Lev Shestov and Fr Sergei Bulgakov – Two Contemporaneous Perspectives on Anton Chekhov

In addition to the pre-Revolutionary Russian literary personalities Fyodor Dostoyevsky and Leo Tolstoy, Anton Chekhov (1860–1904) represents a significant yet often overlooked “third” direction of Russian literature. Renowned primarily for his contributions to theatre within and beyond the Russian socio-cultural milieu, another aspect of Chekhov’s legacy is his influence on the intellectual discourse of his era. This paper examines two contemporaneous commentaries on Chekhov by Lev Shestov and Fr Sergei Bulgakov. Shestov, challenging Chekhov’s celebrated reputation, dismissed his work as futile, characterising it as “Creation from Nothing.” In contrast, Bulgakov’s 1904 commentary was a divergent perspective, asserting that Chekhov offered profound insight into the strengths and weaknesses of Russian society. This analysis coincided with a critical phase in Bulgakov’s intellectual development, shedding light on the broader impact of Chekhov’s work on the thinkers of his time. Both Shestov and Bulgakov offer invaluable perspectives for understanding Chekhov’s legacy in Russian thought. Through a comparative analysis of these commentaries, the paper explores the divergent evaluations of Chekhov’s contributions. It questions the reasons behind these contrasting interpretations, identifies key themes in their assessments, and examines the implications of their critiques for understanding Chekhov’s approach to literature and thought. By situating Shestov and Bulgakov’s responses within the broader intellectual landscape, the paper underscores Chekhov’s enduring significance as a thinker who provoked critical reflection among his contemporaries.

Fr. Lukasz Leonkiewicz

Orthodox Theological Seminary in Warsaw, Poland

Synergistic Anthropology of S. Chozhly and the Thought of L. Shestov

Sergius Chozhly’s synergistic anthropology is based on the concepts of “synergy” and “energy”, characteristic of Byzantine thought, and present in existential thought in the 20th century. Energism, or synergism, is one of the constitutive features of Orthodox thought, but its essence is not only to describe man’s striving for God. It also has a philosophical content, and in connection with this, the relational nature of being comes to the fore. Orthodox theology, describing the relationship of God and man, uses the language of energy, while resigning from describing these beings. Thanks to this, the sphere of existence is revealed, in which both God and man are acting. At this point, energeticism is a natural consequence of apophatism. If the essence of God (ουσία) is unknowable, then something must be knowable, because there is a God-man relationship. Therefore, divine existence is knowable, not the essence, which is defined precisely as “energy”. God, acting, reveals Himself in the world, is known through actions (energies), His being-for-the-world, His existence, is known. Similarly, man, acting towards God or in the opposite direction, manifests himself as being-in-the-world, that is, he reveals his existence, he is in the world as existence. It is not the ουσία of God and the ουσία of man that meet, but the uncreated ενεργείας of God with the created ενεργείας of man. Moreover, we notice that this meeting, which does not have the character of contact or capture by a stronger being, is an event that constitutes the way man is in the world. This event, being a relationship, precedes every essence (substance). Neither God is essentially present in it, nor is man. In this relationship, the energies of God and man are present, and it itself has a dynamic character. This dynamism consists in approaching and moving away, even renouncing this relationship by God and man. Interestingly, renouncing this relationship is opening up to a different kind of relationship with the world, with things in the world. Not only God and man, but also reality takes on energetic features, and man’s existence in the world has the character of an energetic relationship with the environment. The foundation of Orthodox thought on the experience of hesychastic practice puts it in the same row with various trends of contemporary

existentialism. It is not enough to mention Husserl, because we also see similarities with Michel Foucault's concept of "techniques of the self", with Heidegger's existential analysis and in general with the entire existential trend - starting with Kierkegaard.

Krzysztof Piętak

University of Warsaw, Poland

The knowledge argument against physicalism and the battle of Shestov against Athens: Why does the debate in contemporary philosophy of mind confirms Shestov's criticism of philosophy?

The purpose of my presentation is large. I do not only want to show the relevance of Shestov's philosophy to the contemporary philosophical discourse. I also want to demonstrate that the central debate concerning the alleged incompatibility of physicalism with the so-called "phenomenal consciousness, taking place since a few decades within a tradition with which Shestov has not many in common – namely analytical philosophy – clearly indicates that he was right in his diagnosis of what philosophy submitted to the tyranny of reason must become. In order to illustrate my point, I will reconstruct one of the most discussed arguments against physicalism in contemporary philosophy of mind – namely, the knowledge argument. Frank Jackson, the author of the argument, articulates it in the following way: "Mary is confined to a black-and-white room, is educated through black-and-white books and through lectures relayed on black-and-white television. In this way she learns everything there is to know about the physical nature of the world. (...) If physicalism is true, she knows all there is to know. For to suppose otherwise is to suppose that there is more to know than every physical fact, and that is just what physicalism denies. (...) It seems, however, that Mary does not know all there is to know. For when she is let out of the black-and-white room or given a color television, she will learn what it is like to see something red, say." Physicalists do not agree that Mary should leave the room in which she is locked. Why would she experience redness when she already knows everything from a scientific perspective about redness? The attitude of physicalists in this regard is very akin to Spinoza's approach, who, according to the favorite Bayle's quotation of Shestov, "felt such a strong passion to search for truth that to some extent he renounced the world to be better able to carry on that search." Moreover, many physicalists deny that such entities as redness exist under the pretext that their existence is indemonstrable. Indeed, the only proof of the existence of such entities is that we experience them, and that is not a proof at all from a scientific point of view. In this context, we can recall the observation of Shestov that philosophers are searching not for truth *per se*, but for necessity, which obliged us to believe in certain truths due to their logical demonstrability. Apart from underlying these parallels between contemporary physicalism and the object of Shestov's criticism, I will also show how the characterization of Athens as the personification of the temptation to renounce the world in order to achieve complete ontological self-sufficiency, found its articulation in the attitude of contemporary physicalists. The conclusion of my presentation shall be that the separation between the "three of life" and the "three of knowledge" reaches its drastic culmination in contemporary philosophy of mind, confirming Shestov's diagnosis that rational philosophy is deeply hostile to the human world and life in general. Indeed, many philosophers from the past deny the existence of things or values precious to lay people, but it is for the first time in history that the existence of such obviously existing entities as redness and other experiences has been denied in the name of reason and science. This alone clearly indicates that we need Shestov today more than ever.

Victor Okorokov

Oles Honchar Dnipro National University, Ukraine

Системная несистемность Льва Шестова

Показано, что выдающийся русский мыслитель Л. Шестов один из первых в европейской культуре обосновал, что не только физическая, но и духовная (гуманитарная и социальная) системность бывают как линейная (в механике Ньютона), так и нелинейными (как, например, в общей теории относительности А. Эйнштейна). Глубокое знание европейской и, прежде всего, русской философии и культуры позволило ему установить новые ориентиры в религиозном, экзистенциальном и деконструктивистском (то есть постмодерном) измерениях философии и культуры (задолго до того, как к этим началам нелинейной философии сознания пришли М. Бубер, М. Хайдеггер, Ж. Деррида и др. мыслители XX в.). В таком новом понимании трансформация творчества Л. Шестова такова, что он один из первых (если не первый в XX в.) увидел контуры новых измерений мышления (экзистенциального и постмодерного-деконструктивистского) и задолго до появления концепций М. Хайдеггера и Ж. Деррида использовал новые методологии в своем творчестве. Он, как и деконструктивисты, намного раньше их сталкивал разные подходы, разные культуры и разные эпохи между собой. Фактически, он использовал расширенный вариант деконструктивного подхода, по-новому раскрывая контуры европейского мышления. Он оказал огромное влияние на становление французской культуры XX в., что и позволило французским критикам в 70-х годах назвать его гениальным мыслителем. Он, действительно, внес большой вклад в трансформацию европейского (прежде всего, французского) мышления, намного опередив такого рода изменения философского сознания мыслителей XX в. Он построил систему там, где до него всякое исследование считалось несистемным, то есть в области экзистенциального и постмодерного, а в некотором смысле и религиозного измерений. Первоначально эти его новые подходы и взгляды европейские мыслители называли несистемными, не заметив, что системе нужно искать в других не изученных областях философского знания. Л. Шестов тонко почувствовал изменения эпохи и, фактически, предвосхитил все основные завоевания европейской философии и культуры XX в. Он обнаружил систему и закономерности там, где ее до него никто не искал. К творчеству Л. Шестова можно относиться по-разному, но очевидно, что, с точки зрения высокого полета европейской философии, он внес весомый вклад в становление европейской философии и культуры XX в. Фактически, он первый, еще в самом начале XX в., открыл новые системно-несистемные измерения сознания. Еще 25 лет назад в кандидатской диссертации я попытался обосновать эти достижения необоснованно забытого на своей родине мыслителя. И данные тезисы являются моими воспоминаниями о давно проведенных исследованиях творчества этого выдающегося мыслителя.

Paulina Czoska

University of Warsaw, Poland

Две апофатичности. Сравнение идеи небытия в философии Льва Шестова и Николая Бердяева

Два самых популярных русских философа — Лев Шестов и Николай Бердяев — развили идеи небытия. Бердяев, опираясь на немецкую мистику, приписал Богу ничто-начало, что сделало возможным существование зла в мире и человеческую свободу воли. Шестов, стремясь избежать необходимости и рациональных законов, обратился к всемогуществу Бога. Ничто, таким образом, является проявлением всемогущества Бога. Целью данной работы является анализ важнейших произведений Льва Шестова с точки зрения использования им идеи небытия, а также сравнение этой идеи с философией Николая Бердяева. Для достижения этой цели будут исследованы следующие произведения Бердяева: *Философия свободы*, *Смысл творчества*, *Миросозерцание Достоевского*, *Судьба России* и его четыре статьи о Якобе Бёме. В библиографии Шестова будут рассмотрены следующие труды: *Шекспир и его критик Брандес*, *Добро в учении графа Толстого и Ницше*, *Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)*, *О корнях вещей*, *На весах Иова*, *Преодоление самоочевидностей*, *Афины и Иерусалим*, *Sola fide — только верою*.

Andrew Schumann

University of Information Technology and Management in Rzeszow, Poland

Религиозный экзистенциализм и Минская поэтическая школа

Может ли поэзия и художественная литература противостоять тоталитарному режиму? Этот вопрос становится особенно актуальным, когда речь идет о советской эпохе, где любое творчество, не соответствующее идеологическим требованиям, подвергалось цензуре, а порой и репрессиям. В Минске периода БССР существовала уникальная школа экзистенциализма, представители которой выбирали путь молчаливого сопротивления через творчество. Их произведения не могли увидеть свет в официальной печати, но они продолжали писать – для себя, для близких, для сохранения внутренней свободы. При этом стихи поэтов данной школы были далеки от политических лозунгов и государственной пропаганды. Вместо этого в них звучал глубокий философский экзистенциализм, размышления о месте человека в мире, об отношениях человека и Бога. Представители школы исследовали внутренний мир как тихую поэзию на перекрестке шумных улиц, искали гармонию в эпоху тотального контроля и безличной идеологии. Их творчество стало актом сопротивления — не громкого и демонстративного, но тихого, глубокого, обращенного к вечным ценностям, неподвластным режимам. Творчество этой школы было не только способом самовыражения, но и методом сохранения собственного «я» в условиях, когда всё вокруг требовало подчинения общему. Оно служило для них укрытием, духовным прибежищем, где цензура и страх не имели власти. Этот опыт показывает силу искусства, которое способно выживать даже в самых угнетающих условиях, противостоять не с помощью открытого протеста, а через создание альтернативного, гармоничного мира внутри себя. История минской поэтической школы экзистенциализма — важное напоминание о том, что искусство способно быть формой сопротивления, источником внутренней свободы и средством сохранения человеческой сущности в условиях тоталитаризма. Суть данной школы можно раскрыть через философский опыт Льва Шестова. Он, как и минские поэты подполья периода БССР, показывает, что свобода начинается изнутри. Она не обязательно связана с внешней борьбой, но всегда требует мужества и способности выйти за пределы навязанных правил, обращаясь к глубоким, личным вопросам смысла жизни. Таким образом, между философией Льва Шестова и Минской поэтической школой можно увидеть глубокую философскую связь в их общем стремлении к сохранению и утверждению внутренней свободы личности в условиях подавляющих внешних обстоятельств. Оба явления — как философия Шестова, так и творчество поэтов Минской школы — представляют собой своеобразный бунт против внешних систем, будь то рационалистическая философия, как у Шестова, или идеологический диктат тоталитарного режима, как у минских поэтов. Их стихи, лишенные политических лозунгов и пропаганды, становились пространством свободы, где можно было говорить о смысле жизни, внутреннем мире и красоте бытия с раскрытием принципиальных тем религиозного экзистенциализма. Философия Шестова и поэзия Минской школы объединяются в общем подходе к сопротивлению — они отвергают насилие, громкий протест или агрессивное противостояние. Вместо этого они обращаются к «тихой диалектике» с поиском веры в условиях трагичности бытия.

Nikolai Kostin

The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Poland

Лестница Иакова: религиозный экзистенциализм Я. Друскина в СССР

Доклад посвящен идеям советского подпольного религиозного философа, музыковеда и педагога Я.С. Друскина. Философскому наследию Друскина уделено меньше внимания, чем Шестова, однако, как и Шестов, он является одним из немногих системных и ярких экзистенциалистов в русской мысли. Друскин – участник литературно-философских неформальных сообществ «Чинари» и «ОБЭРИУ», близкий друг Д. Хармса. Отсюда магистральные линии его мысли: смысл и абсурд, время и пространство, развитие и падение. В своем академическом

образовании он совмещал историю (Педагогический институт), философию (Петроградский университет, где его учителем был Н. Лосский), музыку (Ленинградская консерватория) и математику (ЛГУ, матмех). Возможно поэтому, поиск смыслов и экзистенциальных ориентиров Друскина с одной стороны – широкий и многовекторный, с другой – системный и тщательный. Его оригинальная философская мысль выкристаллизовывалась в крайне тяжелых условиях: в годы репрессий 1920-х – 1930-х годов, а окончательно была сформулирована в годы Второй мировой войны. Именно в этом контексте Друскин писал свои тексты по богословию, онтологии, музыке Баха. Друскин – представитель позднего периода русской философии. Мы остановимся на самых основных чертах его экзистенциального проекта, впитавшего в себя и исторический контекст, и находящегося вне любых временных рамок.

Vladimir Paperni

University of Haifa, Israel

Философия Льва Шестова и Библия

Ориентация на Библию возникла уже в самый ранний период формирования философских взглядов Шестова. Позднее Шестов прямо определял свою философию как «библейскую», что полностью совпадало для него с такими ее определениями, как «экзистенциальная» и «религиозная». В Библии, которую Шестов воспринимал как совокупность книг как Ветхого, так и Нового Завета, Шестов искал ответы на вопросы философского познания, возникшие в Западной философской традиции, а не в той аудитории, для которой библейские тексты создавались. Соответственно, конкретный корпус библейских текстов, в которых философская мысль Шестова находила себе опору, был крайне ограниченным. В предлагаемом докладе будет предпринята попытка описать указанный корпус библейских текстов как некоторый единый комплекс и показать, как эти тексты, втягиваясь в поле философской мысли Шестова, подвергались трансформации и мифологизации на фоне онтологических, эпистемологических и этических вопросов, порождавшихся этой мыслью.

Françoise Lesourd

Université Jean Moulin, IRPhI, France

«Гефсиманская ночь» в свете сборника «На весах Иова» : диалог между верой и западным разумом Нового Времени

Следуя Паскалю, который в знаменитом тексте (*Le Mémorial*) противопоставляет «Бога Авраама, Исаака, Якова» «Богу философов и ученых», Шестов ставит под вопросом господство разума в западной цивилизации Нового времени, и последствия этого господства для религиозных представлений новой цивилизации. Как известно, в западной мысли сферы разума и веры четко определены, разграничены. Но тем самым вера исключается из поля рационального познания, в то время как разум утверждается как высшая ценность, перед которой преклоняется любой авторитет. Таким образом, разум становится фактически высшей властью, в каком-то смысле заменяет Бога. В тексте *Гефсиманская ночь*, посвященном Паскалю, Шестов, подчеркивая специфический статус западного разума, ставит вопрос о свободе и принуждении, неожиданно связывая его с темой сна (апостолы не в силах преодолеть сон, когда Христос просит их побыть с Ним в Его смертных муках). Сон необходим для жизни, и в то же время он отвлекает от самых глубоких духовных требований (быть со Христом во время его предсмертной тоски). Шестов показывает, что подчинение разуму (часто отождествленному с необходимостью) невидимо, но неуклонно определяет новое отношение к божеству, в связи с которым религия перестает отвечать на самые глубокие духовные запросы человека. В этом выступлении, мы попытаемся проследить, как в сборнике *На весах Иова*, где *Гефсиманская ночь* имеет изначальное, формирующее место, идеи подчинения необходимости

и свободы, связанные с новым западным представлением о разуме, определяют особый статус религии в культуре Нового времени.